

Основание прихода Трех Святителей

Третьего января 1931 года епархиальная администрация Западной Европы (митрополит Евлогий) получила указ от московского Патриархата о том, что Братство святого Фотия и вся его деятельность переходят отныне в ведомство Москвы, и 6 января поступил указ, запрещающий митрополита Евлогия и назначавший, на его место, митрополита Елевферия экзархом Западной Европы. Французский приход и отец Лев Жилле остались с митрополитом Евлогием, а Братство святого Фотия отошло на время от проблем западного Православия. Его членам пришлось полностью посвятить себя восстановлению канонической патриаршей Церкви в Париже. Во время Великого Поста 1931 года митрополит Елевферий многократно приезжал в Париж и служил на частной квартире. Потом нашлось помещение в доме № 5 по улице Петель, которое было освящено в том же году, на Пасху.

Маленькая группа, начавшая свою деятельность с июня 1930 года, быстро пополнилась многочисленными верующими: Преосвященный Вениамин (Федченков), архимандрит Афанасий (Нечаев), протоиерей Дмитрий Соболев, иеромонах Стефан (Светозаров), иереи Стефан Стефановский, Василий Заканевич, иеродьякон Серафим (Родионов, будущий епископ), Всеволод Палашковский (ставший священником гораздо позже), дьяконы Евфимий и Николай Шепелевские. Из мирян были, как сказано выше, среди первых Владимир Николаевич Лосский, Мария Александровна Каллаш, Владимир Николаевич Ильин, Михаил Бельский; были и Кирилл Шевич (будущий архимандрит Сергей) и Андрей Блюм (будущий митрополит Антоний)...(49)

Предоставим слово митрополиту Антонию: «У нас не было никаких иллюзий. Мы знали, что будучи как в плену, Патриарх не был свободен делать или говорить то, что хочет, но в той ситуации, о сложности и тяжести которой мы даже и не подозревали, он оставался верен своей вере». (50)». «Разделение с патриаршей Церковью нам казалось предательством, будто мученики были нами отвергнуты. Епископу Вениамину, бывшему ранее помощником митрополита Евлогия и в прошлом главному полковому священнику Белой Армии, однажды задали такой вопрос: „Как вы, белогвардеец, можете принадлежать к красной Церкви?“, и он ответил: „Прежде всего, Церковь не может быть красной! А потом, даже если бы моя мать стала вдруг проституткой, то я бы от нее не отказался — а ведь русская Церковь стала не проституткой, а мученицей!“» 47»!

«Что же касается меня, — продолжал митрополит, — то уже первое мое впечатление стало решающим. Дело было в 1931 году. Тот период мне напоминает слова одного старого румынского пастуха (51): „Прошли времена, когда священники у нас были деревянными, а чаши — золотыми. Сейчас время деревянных чаш и золотых священников!“ Я тогда просто пришел посмотреть. Но пришел поздно, когда служба уже кончилась.

Церковь находи-лась в темном подвале, освещена была лишь огоньками лампад. Впереди я увидел медленно поднимавшегося по ступенькам незнакомого монаха, который был *в состоянии полной сосредоточенности и ясного покоя*. Я сказал ему: „Я не знаю, кто вы, но я хочу, чтобы вы стали моим духовником.” Это был отец Афанасий (Нечаев). И до своей безвременной кончины в 1943 году, он оставался моим духовным отцом.

«Отец Афанасий был валаамским монахом. Он происходил из благочестивой семьи. Учился в семинарии и вынес оттуда отвращение к богословию. Он стал железнодорожным рабочим. Придя к вере через баптистов, он решил лучше узнать свое собственное вероисповедание и, для этого, отправился на остров Валаам. Там он встретил старика, бывшего монастырским работником в течение пяти лет и потерявшем ногу на этой работе. Он одиноко жил где-то на территории монастыря и никогда не принимал пострига. Молодой человек спросил его : „Почему вы так и не стали до сих пор монахом, хотя уже так давно живете в монастыре?” Старик ответил : „Это потому, что я еще не научился плакать о страданиях всего мира”. В своих мемуарах о. Афанасий пишет: «В тот момент я все понял!» То, что мешало этому старику стать монахом, помогло отцу Афанасию им сделаться. Когда, в 1924 году, был основан Институт Святого Сергия (52), монастырь отправил его в Париж изучать богословие. В момент раскола, он присоединяется к маленькой группе людей, остававшихся верными патриаршей Церкви. Он стал первым настоятелем прихода (53).». «Это был замечательный человек, абсолютной простоты, — продолжает митрополит, — он жил очень бедно. Однажды я получил письмо от одной дамы из России, которая знала его еще совсем молодым. Это было самое начало правления большевиков, когда бедствовали и голодали все. Как-то раз отец Афанасий пришел к ней в дом, с человеком, который был еще беднее их, и сказал : „Вот, я привел вам бедняка, накормите его!” Эта дама жила со своей дочерью, и у них, чтобы выжить, едва хватало еды на двоих. Она проговорила в смущении : „Но ведь у нас есть только малюсенький кусочек хлеба!” „Прекрасно, — ответил монах. — Тогда мы сможем его разделить!”(54)». Лидия Александровна Успенская со своей стороны рассказывала, что отец Афанасий, в ту пору настоятель церкви на улице Петель, не колеблясь, как и Преосвященный Вениамин, пускал в свою постель клошаров (бездомных) с улицы, а сам ложился на пол. Он часто брал деньги взаймы, и кредиторы после его смерти надеялись получить свое, но не нашли у него ни сантима, потому что он брал в долг с единственной целью — помочь кому-нибудь, как святой Иоанн Милосердный.

Тот же дух евангельской простоты вдохновлял и других основателей прихода. Такие люди были необходимы для того, чтобы выжить в такой ситуации — все были «неслыханно бедны». В помещении, прилежавшем к церкви, вне части, предназначенной для клира, проживало несколько монахов, и в ту пору церковь носила имя Подворья (55) Трех Святителей». Эмигранты, как правило, были бедны, а эта маленькая группка людей была еще беднее. Церковь находилась в подвале, раньше там была маленькая фабрика велосипедов. «Иконостас был из легкой древесины, — рассказывает митрополит Антоний, — а иконы — бумажные. Подворье жило исключительно за счет того, что люди оставляли поесть и за счет грошовых сборов, во время богослужений. У входа в церковь стояла картонная коробка, куда прихожане клали остатки своей еды. Однажды я обнаружил епископа Вениамина в коридоре церкви: он лежал, завернувшись в мантию, на самом полу. „Но что вы тут делаете, преосвященный?” — спросил я его. Епископ ответил: „А что мне делать? Один клошар спит на моей кушетке, другой — на моем матрасе, а третий — на коврик. Для меня не нашлось места, потому-то я здесь !”» (56)

Подготовка церкви к освящению потребовала большого труда. Каждый приносил что он сумел достать или что-нибудь из дома. Кто-то даже принес фотографию Шалапина в роли Бориса Годунова. Начались бесконечные споры по поводу того, что можно поставить в церкви, а что нельзя, достаточно ли молитвы для того, чтобы изображение стало иконой. Отец Афанасий, который жил рядом с церковью, тогда исчезал и появлялся снова, когда ссора была уже закончена. Нужно было, во что бы то ни стало, найти настоящую икону, без которой невозможно служить. У одного антиквара нашли большую икону Иверской Божьей Матери, которая до сих пор освящает церковь своим присутствием, но она стояла долгое время. Одна прихожанка, Надежда Соболева(57), продала свои изумруды, икона поступила в церковь (58), и на Пасху состоялась настоящая служба.

Церковь, в соответствии с уставом Братства святого Фотия, имела двойное посвящение — она была посвящена трем Святым Иерархам, в знак верности вселенскому Православию, и одновременно — святому Тихону Задонскому, чтобы подчеркнуть, что эта верность проявляется в лоне русской Церкви. В ней было два алтаря, соответственно двум посвящениям, но также и для того, чтобы можно было служить по двум обрядам — по западному и восточному. Эти богослужения возобновились, что, однако, было канонически неверно, так как в одной церкви может служить лишь одна литургия — но осознание этого пришло позднее, когда церковь уже располагалась в новом здании, построенном в 1958 году на прежнем месте (59).

В то время регентом хора был Серафим Родионов, замечательный музыкант, прекрасно знавший церковную музыкальную традицию. Войдя в эту церковь (вероятно, в конце 1931 года) и услышав песнопения, Леонид Александрович Успенский окончательно решил обратиться в Православие, и в церкви его принял отец Афанасий. « Однажды, по случайности, — рассказывает Успенский, — мне было совершенно все равно, я вовсе не был верующим, — я вошел в церковь на улице Петель, просто так зашел. Там был очень хороший хор (это было задолго до войны), и хор пел старинные песнопения; в уголке; прямо передо мной, находилась икона, девятнадцатого века, но написанная традиционно. И вот я слушаю пение, я смотрю на икону, и я потрясен, весь, целиком. *Я вижу совершенно ту же структуру, те же фразы, те же линии*(60); это меня ужасно поразило, вызвало настоящий трепет (61)».

49) Михаил Александрович Зимин, которого мы ошибочно включили в этот список во французском издании книги, присоединился к этой первой группе только в 1947 г., когда переехал из Марселя в Париж.

50) Неизданная беседа, декабрь 1999 г.

51) Отца Клеопаса.

52) Теперешние храм и территория Сергиевского подворья были куплены в 1925 г.

53) Неизданная беседа, май 2000 г.

54) Неизданная беседа от декабря 1999 г.

55) Подворье: буквально "монашеская гостиница", славянский перевод греческого "метохион", "пристройка".

56) Беседа от декабря 1999 г.

57) Среди прихожан Трехсвятительского Подворья, эта дама впоследствии стала адресатом писем старца Силуана, вместе с Владыкой Серафимом (Родионовым), монахиней Феофосией и архимандритом Сергием (Шевичем). Она стала позднее монахиней в России. Письма, которые ей писал старец Силуан напечатаны в книге J.-C. Larchet : *Saint Silouane de l'Athos* [*Святой Силуан Афонский*], Paris, ed. du Cerf, 2001, с. 387-401.

58) Икона эта, случайно найденная у парижского антиквара неким А.Н. Павловым, видимо является копией, сделанной в 1758 известной московской иконы, а московская икона сама — тоже копия афонской иконы. Она украшала часовню Иверской иконы Богородицы, рядом с Кремлем. Икону, говорят, украл французский солдат, во время наполеоновской оккупации. А икона Богоматери, говорят, пожелала оставаться в самой бедной патриаршей церкви: Владыка Вениамин смог выторговать икону и собрать нужные деньги. Рассказывают также, что прихожанам митрополита Евлогия, гораздо более богатым, оказалось невозможно, несмотря на многочисленные сборы, набрать для этого нужную сумму денег.

59) Этот вопрос до сих пор не получил единогласного ответа.

60) Мы подчеркиваем.

61) Беседа с Шанталь Савинковой, частично опубликованная в *le Messenger orthodoxe* [Православном вестнике] об иконе, № 92, 1983.